

Да Шэн

КИТАЙ, ВОСПЕТЫЙ В СТИХАХ
Земледелие и чтение

**ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И ЧТЕНИЕ
ИЗ ПОКОЛЕНИЯ
В ПОКОЛЕНИЕ**

耕读传家

Главные составители
Сюэ Баоцинъ, Ли Хао

Москва
2022

УДК 82-1+908
ББК 63.5(3)+84(5)
Д12

*Права на издание данной книги предоставлены
ООО «Генеральное издательство
Шэньсийского педагогического университета»*

Да Шэн

Д12 Земледелие и чтение из поколения в поколение. Китай, воспетый в стихах: Земледелие и чтение / Сост. Сюэ Баоцинь, Ли Хао / Пер. с кит. Е. П. Зуева, Е. В. Артамонова — М.: «Издание книг ком», 2022. — 384 с., ил. — (Китай, воспетый в стихах).

ISBN 978-5-907446-54-0

Учёные старого Китая в пору сева и сбора урожая трудились в поле, а в свободные часы занимались образованием. Так среди полей и в читальнях создавалась прекрасная традиционная культура. В земледельческой цивилизации придавалось большое значение образованию, поэтому выражение «в роду из поколения в поколение либо учёные, либо земледельцы» (из романа «Троецарствие») стало одним из давних заветов китайского народа.

Китай — страна поэзии, и на её просторах живёт множество прекрасных стихов, описывающих деревенскую жизнь учёных мужей. Взяв эти сочинения за основу, добавив к ним увлекательных историй и обилия исторических материалов, автор живым языком в доступной форме рассказал о жизни людей из далёкого прошлого, занимавшихся земледелием и учением, для которых сельский труд был неотделим от интеллектуального, взглянув на их жизнь под новым, непривычным углом.

УДК 82-1+908
ББК 63.5(3)+84(5)

ISBN 978-5-907446-54-0

© Да Шэн, 2022
© ООО «Генеральное издательство
Шэньсийского педагогического
университета», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

О Китае, воспетом в стихах. Предисловие	5
Предисловие автора	13
ГЛАВА 1. Рыбак и дровосек, беловолосые, сошлись на берегу реки, привычно наблюдают осеннюю луну, весенний ветер Рыболовство, лесозаготовки, земледелие, чтение как культурные маркеры	21
ГЛАВА 2. Только о муках людских пою, чтобы о них Сын Неба узнал Как опыт сельскохозяйственной жизни влиял на учёных людей.	59
ГЛАВА 3. В древности обращались к покровителю земледелия Шэньнун, а теперь — к сельскохозяйственной энциклопедии «Фан шэн чжи шу» Вклад учёных в развитие земледелия	85
ГЛАВА 4. Покинул город, песню напевая, вернулся к пашиям и станкам Конфуцианское уединение в занятиях земледелием	119
ГЛАВА 5. И мотыгу покупают, и книгу. Наполовину крестьяне, наполовину конфуцианские учёные Через сельское хозяйство и учение к миру в Поднебесной.	187
ГЛАВА 6. Учение и труд, как два главных принципа жизни китайского народа, или драгоценное наследие для потомков Поощрения в домашних наставлениях.	239
ГЛАВА 7. Одинокий странник на чужбине в каждый праздник особенно много думает о своих родных Праздники в сельском хозяйстве и образовании	295
ГЛАВА 8. Возить воду, рубить дрова, заниматься обычным делами — это и есть умелое использование истинных достижений Само-совершенствование и сельское хозяйство	339

О КИТАЕ, ВОСПЕТОМ В СТИХАХ Предисловие

«КИТАЙ, ВОСПЕТЫЙ В СТИХАХ» — о стихах, но в большей степени — стихами о Китае.

Поэзия — это ярчайшая драгоценность в сокровищнице литературы. Поэзия — это языковое воплощение эстетического сознания, это литературная проекция мыслей и чувств творца, это художественное воспроизведение повседневной жизни человека. Поэзия — это симфония духа, сияние мысли, квинтэссенция человеческой духовности и мудрости. Вместе с тем поэтические произведения — это совершенно особые памятники истории и культуры. В стихах люди изливают чувства и озвучивают устремления, описывают явления и выражают эмоции. Стихи нередко облекаются в форму песни и танца. Стихи имеют огромное значение в жизни общества. В них отражается музыкальная жизнь народа, выражаются чувства. Кроме того, в стихах представлено бесчётное множество суждений о цели существования, о жизни и судьбе. Поэты размышляют о поэзии и человеке, поэзии и эпохе, поэзии и истории, поэзии и восприятии прекрасного, поэзии и цивилизации, поэзии и природе человека.

Что есть поэзия?

Поэзия высказывает устремления, пение продлевает [звучание этого] высказывания («Шан-шу. Яо дьянь» [«Почтенные писания. Канон [о государе] Яо»]).

Когда сердце тронута скорбью или радостью, изливаются звуки песни. Когда декламируют слова, это называется стихом, если пропевают музыкальные звуки, это называется песней («Хань шу. И вэнь чжи» [«История династии Хань. Библиографический раздел»]).

Поэзия есть декламация чувств (Янь Юй «Цанлан шихуа» [«Рассуждения Цанлана о стихах жанра *ши*»]).

«В чувстве — корень стихов, в словах — ростки, в мелодии — цветы, в смысле — плоды»¹. Сфера поэзии есть соприкосновение чувства и устремления. (Чжу Гуанцянь «О поэзии»)

---

¹ Цит. по: Письма Бо Цзюйи к Юань Чжэню (IX в.) (Пер. Л. Е. Померанцевой) / Восток. — 1995. — № 3 (здесь и далее примечания переводчика).

Поэзия — это могучее излияние сильных чувств, но хоть это и верно, стихи на любую тему, представляющие собой какую-то ценность, создавались всегда человеком, не только обладавшим органической чувствительностью, гораздо более высокой, чем обычная, но и размышлявшим долго и глубоко (У. Вордсворт).

В каждом из приведённых определений есть своё зерно истины, но в одном выдающиеся умы прошедших эпох солидарны друг с другом: стихи — это достоверные и вместе с тем эстетизированные памятники человеческой истории.

Китай — страна поэзии. В традиционной культуре Китая поэзия, уходящая корнями в глубокую древность — это драгоценное историческое и культурное достояние, обладающее особым изяществом и исключительным очарованием.

Сопутствующие ходу времени перемены не щадят ничего на своём пути, но *«зелёные холмы стоят, как прежде, всё так же красно солнце на закате»*². Неизменны изобразительная сила поэзии, стихотворные рифмы, прежними остаются само средоточие поэзии, поэтический образ мысли... За несколько тысяч лет, полных исторических изменений, стихи, вопреки течению времени, не лишились своего провозглашающего жизнь сияния, не утратили пестующего душу чувства прекрасного. Познавательная ценность стихов, открывающих для нас завесу прошлого, не померкла в дыму истории, и, несмотря на смену эпох, стихи не потеряли той остроты, с которой они обозревают общество. Через призму поэзии описывая прошедшее и заглядывая в будущее, устремляясь к прекрасному и осмысливая судьбу человека, наблюдая за жизнью и проникаясь страданиями, стихи за свою долгую историю превратились в богатейший культурный, литературный и эстетический источник; и потому поэзия — это совершенно особое постижение истории, это облачённое в ритмичные строки воспевание жизни, это прочувствованное переосмысление человеческой судьбы, это рефлексивное рассуждение об обществе, поэзия пестует душу, вдохновляет и просвещает будущие поколения. Всё это сделало её основным источником, опираясь на который, мы познаем, исследуем, пристально изучаем и экстрагируем историю, наблюдаем за действительностью, воспринимаем и передаём традиционную культуру и создаём новую. Именно поэтому стало возможным само возникновение замысла серии «Китай, воспетый в стихах». При составлении серии мы не остановились на том, чтобы отобрать обычные стихотворные произведения и воздать им должное, мы сделали попытку с помощью поэтических текстов постичь историю, культуру, жизнь людей и тем самым явить иную ипостась культуры

---

² Цитата из стихотворения Ян Шэня «Мелодия “Линьцзяньсянь”» («Бессмертные у реки»).

Китая. Поэтому, создавая серию «Китай, воспетый в стихах», мы стремились не просто интерпретировать поэтические произведения или эстетически насладиться поэзией и прочувствовать её, мы стремились к тому, чтобы читатели могли, следуя намеченному нами пути, постичь показанные через призму поэзии историю китайской земли и жизнь людей, воспринять никогда не устаревающий дух китайской культуры.

Прежде всего, «Китай, воспетый в стихах» — это попытка показать на материале стихотворных текстов картину общества в культурно-историческом контексте.

В серии «Китай, воспетый в стихах» мы будем вести поиск «глазами поэзии», совершать открытия с поэтической перспективы. Поэзия есть зеркальное отражение хода истории. Мы посмотрим на историю сквозь зеркало поэзии, увидим, как «к востоку движется Великая река», «прилив сменяется и отливом», «вода течёт под маленьким мостом», «под весенним дождём цветёт абрикос». Ведомые стихотворным текстом, мы проследуем по следам истории, совершим поэтическое путешествие сквозь века. Находясь в поэтическом измерении, в пространстве поэзии, мы сможем перенестись в Древний Китай, заговорить с древними людьми, вступить во взаимодействие с самой историей. Политическая нестабильность, «металлические копья и железные кони» войны, беседки и павильоны, песни и танцы, восхваляющие мирную жизнь, монохромная и цветная живопись, передающиеся через поколения образ жизни земледельца-книжника, изысканные яства, самые искренние человеческие чувства, медитация и философия — в ходе нашего поэтического путешествия мы будем внимать тихим напевам прежних дней, проживём случившиеся некогда бурные скачки, поразмыслим над внутренней логикой истории. Мы насладимся глубиной и иносказательностью песен «Гофэн» («Нравы царств»)³, внимательно прислушаемся к отголоскам уже отзвучавших мелодий, подобных силуэтам наших предков, бредущих по полям; проникаясь искренностью и глубиной юэфу⁴, познаем безыскусность и серьёзность народных нравов и обычаев ханьской эпохи; погружаясь в блистательную и многоликую танскую поэзию, увидим пульсирующее сияние благоденствующей и процветающей Великой Тан; постигая заключающееся в сунской поэзии изящество мысли, осознаем глубину культурных принципов эпохи Сун; восхищаясь многообразием поэтических стилей эпох Мин и Цин, проникнемся многоликостью обычной городской жизни.

---

³ «Гофэн» («Нравы царств») — первый раздел «Шицзин» («Книга песен»), входят лирические народные песни, поражающие своей искренностью и задушевностью. Всего в первом разделе содержится 160 песен.

⁴ Юэфу — жанр традиционной китайской лирической поэзии, возникший в эпоху Хань (206 до н. э. — 220 н. э.) под влиянием придворной «Музыкальной палаты».

Хотя история есть достояние прошлого, поэтическое описание, прозрение, ощущение, кои мы находим в стихах, от нас вовсе не далеки. Литература, беря начало в самой жизни, возвышается над ней и в этом смысле может помочь нам постичь ту изначальную форму, которая предшествовала «возвышению над жизнью». Поэзия, без сомнения, даёт нам материал для исторических изысканий, который позволяет взглянуть на жизнь, исследовать её и глубже понять. Если вспомнить историю, древнюю и загадочную, вступить в пределы поэзии, можно постичь перекликающиеся чувства, пронизывающие строки *«Утки, я слышу, кричат на реке предо мной, Селезень с уткой слетелись на остров речной... Тихая, скромная, милая девушка ты, будешь супругу ты доброй, согласной женой»*⁵, встретиться с древними, получить прелесть осознания.

Также «Китай, воспетый в стихах» — это попытка через стихотворный текст зафиксировать культуру во всем многообразии её проявлений, досконально понять поэтические истоки культуры, направить читателя к тому, чтобы внимательно вчитаться в культуру, насладиться культурой.

8 Не зная недостатка ни в освещении придворных событий, ни в раскрытии безмятежного и скромного очарования сельской природы, серия «Китай, воспетый в стихах» ярко показывает особенности культуры во всём многообразии. Эта серия стихов поможет читателю окунуться в безбрежный океан поэзии, прикоснуться к миру поэзии в широком культурном контексте, понаблюдать представленные в поэтическом тексте богатую культуру, яркую жизнь человечества, разнообразие опыта и его осмысление и таким образом прочувствовать богатство и многообразие мира. Текстовый план поэтического произведения открытым, но он несёт и скрытый мотив. Остановившись на сокровенных чувствах людей прежних эпох, мы постараемся прочувствовать их любовные переживания, тоску разлуки, горечь потери; устремляя внимание на ритуалы и обряды, поясним описанные в поэзии жертвоприношения в храмах предков, свадебные и траурные обряды, соблюдение старшинства и другие политические и повседневные ритуалы; сосредоточившись на земледелии и чтении, насладимся показанной в стихах радостью от совмещения деятельности учёного с рыболовством, рубкой леса или земледелием; обратившись к еде и питью, покажем воспетые в стихах прекрасные блюда, распробуем вкус Китая; отправляясь в странствие по горам и водам, ощутим показанные в стихах благородство лесов и родников, чувства гор и вод; обратившись к монохромной и цветной живописи, прочувствуем эстетическую глубину подтекста, стоящего за образом живописи в поэзии. В наш объектив попадут раз-

---

⁵ Шицзин. Книга песен / Пер. с кит. А. Штукина. — М., 1987. — С. 24.

мышления о древности, путешествия, народные обычаи, медитация, танцы и другие темы поэзии, из которых мы выкристаллизуем красоту жизни, увлекательность искусства, философскую мысль.

Немецкий философ М. Хайдеггер в своей работе «К чему поэты?», рассуждая о поэзии Ф. Гельдерлина, отмечал: «К самой сущности поэта, который является подлинным поэтом в эту эпоху, относится то, что в силу сущностной нищеты века состояние поэта и призвание поэта становятся для него поэтическим вопросом»⁶. В этих словах раскрыта культурная миссия, которую возлагает на себя поэт, и сущность поэтичности. Переживания о «состоянии поэта и призвании поэта» не знают ни пространственных, ни временных преград, пронизывая творчество поэтов Запада и поэтов Китая, поэтов древности и поэтов современности. В серии «Китай, воспетый в стихах» мы стремились обозреть Китай духовный, отталкиваясь от мышления поэтичности, и тем самым повысить нашу веру в себя применительно к духовной культуре.

Кроме того, «Китай, воспетый в стихах» — это попытка через стихотворный текст постичь судьбу человека, напитать душу, отдавшись во власть поэзии, изведать человеческую жизнь в её поэтической форме.

Мы стремились к тому, чтобы с чувством и энтузиазмом подойти к чтению стихотворных текстов и постижению показанной сквозь призму поэзии жизни, к тому, чтобы, выразив её живым и изящным языком эссе, дать читателю проникнуться присущими стихотворному тексту многообразными проявлениями выразительности и эстетическими импликациями. В «Ши да сюй» («Великое предисловие к “[Канону] поэзии”»⁷) сказано: «Чувства приходят в движение внутри нас и обретают формы в речах. Если речей недостаточно, [чтобы выразить чувство], то стонут и вздыхают, если недостаточно стонов и вздохов, то скандируют и поют»⁸. В главе «У сэ» («Манифестация формы») «Вэнь синь дяо лун» («Резной дракон литературной мысли») также говорится: «У каждого из времён года свой пейзаж, у каждого пейзажа свой облик, чувства [поэта] следуют за сменой пейзажей, слова высказываются вслед за [изменениями] чувств». Поэзия — это голос сердца. Исторический контекст, в котором творил каждый поэт, его устремления и чувства формировали его собственное, отличное от других, осмысление вселенной, природы, человеческой жизни. В каждое стихотворное произведение вложен

---

⁶ Хайдеггер М. К чему поэты? (перевод, примечания А.Г. Дугина) // Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. — М., 2010. — С. 302.

⁷ «Ши да сюй» — «Великое предисловие к “Стихам” / “[Книге] песен”», сокращение от «Мао Ши да сюй» — «Великое предисловие к “Стихам” / “[Книге] песен” [в версии ученых] Мао». Древнейшее литературно-теоретическое сочинение. Впервые этот текст был введён в корпус древней поэтической антологии «Шицзин» («Книга песен») в редакции Чжэн Сюаня (с. 127–200).

⁸ Перевод И. С. Лисевича.

жизненный опыт человека, который находит выражение и в одухотворённой отстранённости, и в погружённости в материальное, и в глубоко постижении тайн мироздания, и в искусности образов; форма и содержание стихотворного текста, его мелодика и ритм, образность и лейтмотив также передают уникальные для каждого поэта жизненный дух и культурное восприятие. Мы надеемся помочь нашим читателям ощутить тепло древних людей, увидеть их большие сердца, неудержимый талант, непревзойдённый дух, яркие чувства, почувствовать тот великий дух, что зыблется в поэзии.

10 История поэзии есть история души. Поэзия исполнена человеческих надежд, чаяний, мыслей и представлений; в поэзии нашёл отражение жизненный опыт и духовный мир людей, живших в разные эпохи, принадлежавших к разным социальным слоям. Поэзия позволяет постичь те едва уловимые сокровенные чувства, которыми были исполнены сердца древних людей, почувствовать их безмятежно-созерцательную спокойную природу. Сущность жизни проходит через испытания понимания сердцем возвышенного, устремления к далёкому, избавление от суеты мира, оказание благодетельной душе. Нам нет необходимости целенаправленно искать «куриный бульон для души»: обрести покой и осознать, насколько удивительна и многогранна наша жизнь, можно через классическую поэзию. Проникаясь присущими поэзии Су Ши умиротворённостью и глубиной, непредвзятостью и непринуждённостью, мы можем избавиться от душевных страданий и ощущения беспомощности. Поэзия — это пространство, где сияют *«огненные деревья и серебряные цветы»*⁹, это тёплый родной край, в котором *«красные рукава напиваются благовониями»*¹⁰, это пристанище души для несметного числа читателей.

* * *

Раскрыть Китай через призму поэзии — очень увлекательная, но в то же время очень непростая задача. Какие стихотворные тексты выбрать из всего необъятного поэтического наследия, каким образом производить отбор, как и насколько глубоко прокомментировать выбранные тексты — ответы на эти вопросы требуют скрупулёзной сосредоточенности планировщика и предельной вдумчивости аналитика.

---

⁹ Метафора из стихотворения танского поэта Су Вэйдао «Пятнадцатое число первого месяца», описывающая иллюминацию Праздника фонарей.

¹⁰ Цитата из стихотворения сунского поэта Чжао Янь Дуаня «Бессмертные у Сорочьего моста».

«Китай, воспетый в стихах» — это попытка соединить точки преломления хода истории в классической поэзии в линии, с помощью линий очертить общую картину и затем, следя, чтобы точкам была присуща типичность, линиям — единство последовательности, а общей картине — репрезентативность, соединить всё это в единое целое и таким образом воссоздать Китай прошлого.

Стремясь выразить типичность, единство и репрезентативность конкретных точек, связующих линий и сформированной ими общей картины, для первого выпуска серии мы выбрали девять томов, задающих её содержательную многоплановость: «Ши юй нянь цзе» («Языком поэзии о календарных праздниках»), «Те ма бин хэ» («На боевом коне по льду реки»), «Мин юэ сун цзянь» («Меж сосен яркая луна»), «Жэнь цзянь ю вэй» («Счастье есть»), «Цзя го цин хуай» («О чувствах к родине»), «Син инь тянь ся» («Странствие по Поднебесной с песней»), «Цин цзи жэнь шэн» («Жизнь, выраженная в чувстве»), «Гэн ду чуань цзя» («Земледелие и чтение из поколения в поколение»), «Юэ у пянь сянь» («Закружившись в вихре танца»). Каждый том сопровождается предисловием составителя, в котором обозначены лежащие в его основе идея и культурные тенденции, что даёт читателю своего рода поэтическую карту древнего общества и позволяет нам увлечь его в путешествие сквозь границы древности и современности. Для лучшего восприятия тексты написаны в эссеистической манере и представляют собой сочетание стихотворного и прозаического текста с иллюстрациями.

С начала 2013 года вместе с уважаемым господином Ли Хао приступили к планированию порядка составления серии, от общего замысла и написания первого чернового варианта до сегодняшних дней, когда серия готовится к печати, прошло пять лет, пять лет — этот не долгий, но и не короткий срок на «заточку меча», невольно вызывает потрясённый вздох и только вслед за тем искреннюю радость. При составлении серии мы во многом отталкивались от того осознания традиционной культуры, что присущ гуманистам, мы постарались использовать новый литературный угол восприятия, чтобы постичь Китай, каким он предстаёт в поэзии, развернуть длинные свитки, языком поэзии, рассказывающие об истории, культуре и судьбе человека. Для совместного осуществления этой тяжёлой и ответственной задачи мы широко привлекали блестящих отечественных и зарубежных специалистов.

Мы благодарим Главное агентство по печати Педагогического университета провинции Шэньси за планирование и поддержку, за ту масштабную ответственность по распространению культуры, которую его сотрудники взяли на себя, прозорливо уловив её потребности; благодарим составителей каждого тома за глубокое понимание классической поэзии Древнего Китая и огромную проделанную работу; благодарим рецензировавших рукопись специалистов за строгий контроль, ставший

залогом её качества. Только общие усилия сделали возможным издание серии «Китай, воспетый в стихах». Надеемся, что в безбрежном книжном океане читатели ступят на сей челн, дабы постичь Китай и насладиться его очарованием.

«Китай, воспетый в стихах» — о стихах, но в большей мере — стихами о Китае. Обратим же исполненные поэтичности взоры на Китай исторический, древнюю цивилизацию, создавшую блистательные шедевры, и Китай сегодняшний, всё так же пронизанный пленительным очарованием и дыханием весны процветающий Китай!

Сюэ Баоцинъ
Академия Шоуян

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

1

«Пусть земледелие и ткачество увековечатся в поколениях, пусть канонические книги всегда способствуют благоденствию» — этот бесхитрый древний завет, который люди в стародавние времена часто вырезали на дверных столбах и вешали в главном доме, является лаконичным выражением их представлений о собственном идеальном существовании — и поныне его можно видеть над воротами некоторых старых домов. Он еще часто сопровождается деревянной вывеской с четырьмя большими иероглифами на ней — 耕读传家 gēng dú chuán jiā, которые буквально означают: «Земледелие и чтение из поколения в поколение».

13

Слово 耕读 gēng dú, являющееся стяжением слов 农耕 nóng gēng, «земледелие», и 读书 dú shū, «чтение [книг]», означает наиболее распространённый образ жизни и ценностный ориентир для традиционного китайского общества — «одновременное занятие земледелием и чтением» (耕读并举), «равное внимание земледелию и чтению» (半耕半读 bàn gēng bàn dú). Разумеется, иероглиф 耕 gēng здесь нельзя понимать буквально как исключительно «земледелие» — он является обобщающим обозначением для разных видов сельскохозяйственных работ, например, рыбной ловли, заготовки дров, выращивания растений, ткачества и т. д.; точно так же иероглиф 读 dú обозначает не только «чтение», это понятие подразумевает разного рода духовную деятельность, связанную с книжным знанием, например, преподавание, сдачу экзамена кэцзюй¹¹, обряд похорон, жертвоприношения и др.

传家 chuán jiā, в свою очередь, выражает надежду на то, что подобный спокойный и радостный образ жизни сможет передаваться из поколения в поколение и продолжиться.

В «Лунь юй» говорится, что «если от учёбы остаётся свободное время, то посвящай его службе»¹². Для человека в древности выучиться и получить учёную степень было лучшим способом продвинуться и попасть

¹¹ Экзамен кэцзюй — государственный экзамен в императорском Китае.

¹² Переломов Л. С. Конфуций: «Лунь юй». Исслед., пер. с кит., коммент. Факсимильный текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си. М., 2000. С. 443.

в ранг *ши*, учёных людей. Однако далеко не все семьи располагали экономическими ресурсами для того, чтобы отпрыск мог полностью посвятить себя учёбе, в подавляющем большинстве люди все же жили довольно тяжело, они при этом надеялись, что отпрыск, заслужив себе имя, поможет улучшить семейную ситуацию и положение семьи в обществе. Обязательным условием для этого был первоочередной производительный труд.

В связи с этим *земледелие* *gēng* стало материальным залогом *чтения* *dú*, и, напротив, *чтение* *dú* стимулировало *земледелие* *gēng*, таким образом, оба аспекта оказались в состоянии здорового взаимодействия. По прошествии времени это сформировало культуру *gēng dú* (*гэн-ду*) — «культуру земледелия и чтения».

Четыре иероглифа 耕读传家 немного приоткрывают для нас живших в обрядовом обществе Древнего Китая, чтящих моральный принципы мягко сердечных людей и слегка проливают свет на разнообразные крупные и мелкие события, происходившие на этой самой обычной земле. Подобно фотоплёнке — раскрой конверт, и перед тобой откроется красочный мир.

14

2

Образ жизни, выраженный формулой «одновременное занятие земледелием и чтением», можно проследить до самой глубокой древности.

О «земледелии» говорить нет нужды, поскольку китайское общество исторически было аграрным, и возделывание земли являлось наиболее обыденной составляющей жизни.

А что же «чтение»? Уже во времена Западной Чжоу появились *чжоу ван гуань сюэ*, «официальные школы, учреждённые чжоуским ваном», — специальные учреждения для обучения отпрысков правящей семьи и потомственной аристократии. Согласно «Баоши» в «Чжоу ли», «чтобы дать образование сынам из высокопоставленных аристократических семей в соответствии с Дао, следует обучить их шести искусствам: первое из них — пять ритуалов, второе — шесть танцев, сопровождаемых музыкой, третье — пять способов стрельбы из лука, четвёртое — пять способов управления колесницей, пятое — шесть категорий китайских иероглифов, шестое — девять видов арифметические вычисления». То есть содержанием образования были те самые, хорошо известные нам, «шесть искусств». Бесспорно, отношения между возделыванием земли и обучением были таковы, что «в течение трёх сезонов года они [ваны] занимались земледелием, а один сезон упражнялись в военном деле» («Го юй», Речи царства Чжоу, раздел первый),

производство и сельское хозяйство главенствовали. Все же речь идёт о временах глубокой древности, когда культура была на начальном этапе развития, и именно производство и сельское хозяйство занимали важнейшие позиции.

Таким образом, в рассматриваемое время, единственной областью, в которой образ жизни *гэн-ду* реализовывался, было образование потомков правящего рода, он не имел никакого отношения к обычным людям. У обычных людей было только *гэн* (земледелие), у них в принципе не было ни возможности, ни условий для *ду* (чтения).

Происходящему в период Чуньцю переходу к феодальному строю сопутствовала утрата чжоускими ванами своего могущества, и, вслед за смещением официальных школ *гуань сюэ* в низы, те знания, которые первоначально были сосредоточены в учебных заведениях для правящей элиты, теперь также стали доступны выходцам из семей, занимающих более низкое положение *чжухоу* (удельных князей), *и дафу* (глав крупных кланов). Конфуций же стал первым выдающимся человеком, который в качестве частного лица, передал детям из простых семей то, чему учились ваны.

И только с этого времени у простых людей низших сословий появилась возможность получать знания. Появились социальные условия для «одновременного занятия земледелием и чтением». На протяжении нескольких последующих столетий совмещение земледелия и чтения характеризовало типичную форму существования общества. Периоды правления династий Западная и Восточная Хань, Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий стали временем непрерывного развития сельского хозяйства и распространения знаний. Но, в то же время, границы между социальными классами были слишком отчётливыми, даже в рамках землевладельческого класса сложилось чёткое разделение на *ши цзу* (потомственное чиновничество), и *шу минь* (простой народ), между которыми пролегла своего рода пропасть, преодолеть её, в сущности, было невозможно вне зависимости от прилагаемых усилий.

Поэтому, даже если люди все больше признавали важную связь между земледелием и чтением, как, например, Янь Чжитуй в своём сочинении «Янь ши цзя сюнь» («Домашние поучения рода Янь») наставлял молодое поколение «*сеять и собирать хлеб для пропитания, выращивать тутовник и коноплю для производства одежды*», социальная значимость земледелия и чтения ещё не раскрылась в полной мере.

Время правления династий Суй, Тан, Северная и Южная Сун стало эпохой стремительного развития культуры *гэн-ду*. Если разобраться, это имеет непосредственное отношение к действию механизма отбора одарённых людей для чиновничьей службы — системы *кэцзюй*.

В эпоху Хань механизм выдвижения талантов представлял собой, главным образом, систему рекомендаций *чацзюй* (察舉制) и систему приглашения на службу *чжэнпи* (征辟制). Принцип действия системы рекомендаций заключался в том, что местные чиновники разных рангов продвигали людей, обладавших высокими моральными качествами и большими способностями. Рекомендованные правителями округов-чжоу назывались *маоцаями* (茂才 — «цветущий талант»), рекомендованные правителями областей-цзюнь назывались *сяньлянями* (孝廉 — «преданный родителям и честный»). Принцип действия системы приглашения на службу состоял в призыве на государственную службу людей, имеющих хорошую репутацию и широкую известность. Приглашённые императором назывались *чжэнами* (征 — «приглашённый на службу»), приглашённые местными правителями назывались *пи* (辟 — «приглашённый на службу»).

16

В эпохи Вэй, Цзинь и Шести династий действовала система девяти рангов (九品中正制 *jiǔ pǐn zhōng zhèng zhì*), которую можно назвать улучшенной системой рекомендаций. Её отличие от последней состоит лишь в том, что рекомендуемым кандидатам присваивалась одна из девяти степеней в зависимости от их способностей и умений. Однако, в связи с огромной влиятельностью потомственных чиновников, система девяти рангов превратилась в механизм наследования и монополизации высоких должностей потомственными чиновниками.

Во время правления династий Суй и Тан была упразднена система рекомендаций для выдвижения талантов, стала применяться система *кэцзюй*. Для выходцев из бедных семей, если только они прилежно учились, это означало возможность, сдав экзамен, однажды вздохнуть свободно. Таким образом, установление системы *кэцзюй* укрепило мотивацию детей крестьян к получению знаний. В рассматриваемую эпоху отношения между земледелием и чтением демонстрируют беспрецедентно тесную связь, «одновременное занятие земледелием и чтением» — именно такой жизненный путь выбрало большинство семей.

С приходом династии Сун представление о совмещении земледелия и чтения еще глубже укоренилось в сознании людей. Это было связано с поощряющей как развитие сельского хозяйства, так и развитие обучения экзаменационной системой *кэцзюй* в том виде, в котором она существовала во время Северной Сун. Как исчерпывающе писал Ху Няньван в своей работе «*Ду кэ жун шэнь гэн и чжи фу гэн ду вэнь*

хуа» («Чтение — путь к славе и почёту, земледелие — путь к богатству: Культура гэн-ду»):

«С приходом династии Сун благодаря развитию системы кэцзюй культура гэн-ду трансформировалась и укрепилась. Некоторые политические меры, предпринятые императором Северной Сун Жэнь-цзуном, дали могущественный толчок ее развитию: во-первых, было постановлено, что кандидаты на учёную степень должны проходить обучение и держать экзамен в своей провинции, с тем чтобы повсеместно учреждались учебные заведения разного уровня; во-вторых, для всех южных провинций была установлена минимальная квота на количество кандидатов, которые могли сдавать экзамен на учёные звания всех степеней; в-третьих, было принято постановление о том, что промышленники и торговцы, а также их отпрыски не могли принимать участие в экзамене кэцзюй, до экзамена допускались исключительно дети чиновников и земледельцев. Это в немалой мере стимулировало простых людей к сдаче экзамена для получения чиновничьей должности, даже выходцы из крестьянских семей увидели надежду на то, что посредством получения образования они могут войти в сословие чиновников и принести славу своей семье».

17

Эти постановления Сунского Жэнь-цзуна в значительной мере способствовали развитию частного образования и, в то же время, прочно привязывали *цзиньши* (обладателей высшей учёной степени по результатам экзамена) к родным местам. Начиная с этого времени «одновременное занятие земледелием и чтением» стало обыденным образом жизни древних людей, а концепция *гэн ду чуань цзя* (耕读传家 — «Земледелие и чтение, передающееся из поколения в поколение») вслед за этим стала общественно почитаемой и глубоко укоренилась в китайской культуре.

4

Пик популярности идеи *гэн ду чуань цзя*, увековечения рода через земледелие и чтение, пришёлся на время правления династий Мин и Цин, что связано с двумя аспектами: с дальнейшим развитием системы кэцзюй, с одной стороны, и высокоразвитым местным самоуправлением, то есть усовершенствованием и стандартизацией клановой системы, с другой.

Лян Цичао в работе «Сянь цинь чжэн чжи сы сян ши» («История политической мысли в доцинский период») писал: «*Политика Китая в древности — это кланоцентричная политика*». Такой общественный строй, основу которого составлял патриархат и в котором в качестве социальных связей выступали кровные узы, был общераспространённым уже в доцинскую эпоху. В экономическом плане, на протяжении длительного времени влияние его на деревню было не очень значительным. И только в послесунский период клановая система начала играть огромную административную роль в базовых слоях общества. Вкупе с влиянием неоконфуцианства управление в деревне в период правления династий Мин и Цин опиралось, главным образом, на клановую систему, глав кланов и шэньши. Таким образом, относящаяся к базовому слою общества деревня превратилась в обладающую определённой силой экономическую систему, что давало большие возможности для того, чтобы выходцы из земледельческих семей получили образование.

Всякое явление, достигнув предела, обращается в свою противоположность. В тот момент, когда явление достигает пика своего развития, обычно зарождаются семена упадка. Процветающее товарное хозяйство минско-цинского периода непрерывно расшатывало основы *гэн ду чуань цзя*, увековечения рода через земледелие и чтение, в аграрной цивилизации.

Выросло положение торговцев, люди начали «оставлять земледелие, бросать конфуцианство ради занятия торговлей», что, в первую очередь, было тесно связано с демографическим ростом. Как отмечал Юй Инши в своей книге «Чжун го цзинь ши цзун цзяо лун ли юй шан жэнь цзин шэнь» («Религиозная этика и дух капитализма в Китае нового времени»), в минское время, установленное количество кандидатов, которые могут получить учёную степень (включая степени гуншэна, цзюйжэня и цзиньши), не было увеличено должным образом в соответствии с ростом населения, то есть для учёных людей возможностей получить степень на экзамене становилось все меньше. Согласно известному изречению, «*из десяти учёных людей успеха добивается один, из десяти торговцев — девять*». Это естественным образом приводило к тому, что большое число учёных людей отказывались от сдачи кэцзюй и начинали заниматься торговлей. Вместе с тем, поскольку доход от земледельческой деятельности был значительно ниже дохода от торговли, это привело к тому, что большое количество земледельцев пробовало заниматься торговлей.

Это привело к возникновению в минско-цинский период *хуэй шан*, купечества провинции Аньхой, *цзинь шан*, купечества провинции Шэньси и других купеческих организаций. Торговцы обычно вели дела

на чужбине, оставляя стариков и детей в родных краях с тем, чтобы они занимались земледелием, а последние ещё и получали образование. Если выучившиеся отпрыски становились чиновниками, это, естественно, было наилучшим вариантом, так как они могли помочь расширять дело; если отпрыск не мог сдать экзамен и получить чиновничью должность, это не имело значения, так как все равно можно было заниматься мелкой торговлей и точно также вести комфортабельное существование.

5

В тот период времени, когда в эпоху Цин проводилась политика самоизоляции, идея *гэн ду* снова заняла лидирующее положение. Однако, поскольку нельзя помешать действию экономических законов, в цинское время произошёл быстрый расцвет товарной торговли. Вслед за случившимся в последние годы правления династии Цин крупномасштабным вторжением западной культуры, вспыхнули опиумные войны, Китай столкнулся с «крупнейшей за последние три тысячи лет дестабилизацией», суть которой заключалась в стремительном упадке аграрной экономики и системы кэцзюй, последовавшим за беспрецедентным по своему масштабу внешним ударом.

19

В тридцать первый год правления Гуансюй (1905 год) династия Цин провела последний экзамен по системе кэцзюй. Таким образом, с этого момента, созданная при династии Суй в первый год правления под девизом Дае (605 год) и функционировавшая в течение тысячи трёхсот лет система кэцзюй прекратила свое существование — эпоха, когда считалось, что сделать блестящую карьеру можно, опираясь исключительно на земледельческий труд, классическое образование и экзамены, стала достоянием истории.

Упразднение системы кэцзюй сопровождалось развитием новых школ. Соблюдение последовательности ступеней при создании учебных заведений в новой образовательной системе — от начальных школ в деревне до университетов в крупных городах, двойственная экономическая система, отражавшая серьёзное противостояние города и деревни, нежелание привыкших к городской жизни и получивших западное образование интеллигентов возвращаться в деревенское общество — все это привело к постепенному отдалению интеллигенции от деревни. Сопутствующим процессом стало возникновение враждебного отношения жителей деревни к интеллигенции — эта отчуждённость сохраняется и в наши дни.

Эпоха гэн-ду, эпоха равнозначности земледельческого труда и книжного знания, в которую традиционным для учёных-сановников было «*поступить на чиновничью службу и вернуться в деревню*», навсегда ушла в прошлое.

Исчерпывающим образом раскрыть сущность китайской культуры гэн-ду — имеющей продолжительную историю и богатое содержание — весьма непросто. Авторы с благодарностью примут любые замечания и дополнения от уважаемых читателей.

ГЛАВА 1

*Рыбак и дровосек,
беловолосые,
сошлись на берегу
реки, привычно
наблюдают осеннюю
луну, весенний ветер*

**Рыболовство,
лесозаготовки,
земледелие, чтение
как культурные маркеры**

В китайской культуре элемент «гэн», то есть земледелие (耕), — это условное обозначение деревенской жизни в целом. Помимо непосредственно возделывания земли, важными способами обеспечить средства к существованию были рыбная ловля, заготовка дров и выпас скота. Те, кто, занимаясь рыболовством, лесозаготовками, скотоводством или земледелием, не бросили учёных занятий, считались особенными людьми, значительно превосходящими обывателей. Поскольку именно учёные занятия должны были рано или поздно выйти на первый план, рыбная ловля, заготовка дров, выпас скота или возделывание земли становились для таких людей лишь временным способом раздобыть средства к существованию, и, с ещё большей вероятностью, они становились способом, к которому интеллектуалы высшего уровня вводили окружающих в заблуждение. В связи с этим, в традиционной культуре занятия рыболовством, лесозаготовками, скотоводством и земледелием служили особыми культурными маркерами: они были метафорой образа отшельника, полного благородных устремлений, укрывшегося от мира человека, талантом превосходящего многих, но не имеющего возможность этот талант проявить.

1

*«Гребень волны осыпается снежным каскадом, персик и слива
безмолвной колонной весны. Чайник вина, удочка, сколько в мире
людей таких же, как я?»*

Это фразы из известного произведения последнего императора династии Южная Тан Ли Юя «Юй фу» («Рыбак»).

В этом цы нарисован образ безмятежного и свободного рыбака. Ли Юй в крайнем восхищении говорит: «Сколько в мире людей таких же, как я?» — несмотря на некоторое преувеличение, образ рыбака в китайской культуре — это, вне сомнения, образ отрешённого от мира отшельника, мудрого наблюдателя.

Образ рыбака в китайской культуре неразрывно связан с поэмой «Ли сао» и книгой притч «Чжуан-цзы».

Рыбак в «Ли сао» Цюй Юаня очевидным образом не является простым обывателем. Во-первых, он с первого взгляда узнает Цюй Юаня, о чем свидетельствует его вопрос? («Вы, государь, не тот ли самый сановник дворцовых родов?»¹³), — вряд ли вероятно, что обычный рыбак интересуется влиятельными государственными сановниками и знает их в лицо. Отцу-рыбаку явно пришлось не по нраву та прямота и наивная преданность, которые Цюй Юаня проявил в разговоре, и потому он «еле еле улыбнулся», а затем неторопливо пропел известные древние строки:

*Когда чиста Цанланская вода-вода,
В ней я могу мыть кисти моей шапки,
Когда ж грязна Цанланская вода-вода,
В ней я могу и ноги свои мыть... —¹⁴*

Цюй Юань («Юй фу» / «Чу цы»)

¹³ Китайская классическая проза в переводах академика В. М. Алексеева / Отв. редактор Л. З. Эйдлин. М., 1959. С. 42.

¹⁴ Китайская классическая проза в переводах академика В. М. Алексеева / Отв. редактор Л. З. Эйдлин. М., 1959. С. 43.

Рис. 1. Эпоха Мин. Сяо Юньцун («Сань люй да фу бу цзюй юй фу» / «Сановник трёх усадеб гаданием выбирает рыбаку место для жилища»)

В еще большей степени это справедливо в отношении образа рыбака из «Смешанных глав» книги притч «Чжуан-цзы», где устами Конфуция рыбак превозносится как «совершенномудрый» (圣人 shèng rén)! Рыбак своими словами обескуражил Конфуция и его учеников Янь Хуэя и Цзы-Гуна, лишил их дара речи, помимо этого он дал Конфуцию наставления о том, что дао управления государством состоит в том, чтобы «все находились на своих местах», а также о том, что совершенномудрый «следует Небу» (法天 fǎ tiān), «ценит подлинное» (法天), «не связывает себя обычаем» (不拘于俗 bù jū yú sù).

Рыбак, который предстаёт перед нами в «Юй фу» Цюй Юаня и в «Чжуан-цзы», это не тот обычный человек, занимающийся ловлей рыбы для пропитания, образ которого нарисован в строках: «Седовласый старец на седоголовых волнах, прибрежный ветерок толкает лодку. Только выловил окуня длиною в чи — дети и внуки раздувают огонь в тростнике» (Чжэн Гу, «Хуай шан юй чжэ» / «Рыболов с реки Хуай»), это учёный человек, образованный и культурный. Понимая истинную суть событий, обладая мудрым и непредубеждённым взглядом на вещи, в беспокойный век такие люди предпочитают облачиться в одежды рыбака и благоразумно ни во что не вмешиваться. Именно такой образ рыбака будет главенствующим и в последующие века.

Так, в исторических хрониках рассказывается о том, что Фань Ли, прекрасно разбирающийся как в словесности, так и в военном искусстве, способствовал победе Юэ над У, вернулся домой окружённый красавицами и сразу ушел на покой: нашёл «небольшую лодочку и странствовал на ней по Пяти озерам», проведя остаток жизни безмятежным рыбаком.

По словам поэта, *«необозрима безбрежная водная гладь Тайху, покрытая туманом, кто же второй человек в лодке»* (Ван Шипэн, «Фань Ли»).

Культурный маркер обычно требует конкретного воплощения — только тогда он может без труда считываться большинством, этот же механизм стоит за возникновением религиозных божеств. Исторический образ «рыбака-книжника» нашел свое воплощение в лице жившего в Восточную Хань человека по имени Янь Гуан.

Янь Гуан имел прозвище Цзылин, потому у потомков закрепилось имя Янь Цзылин. Он был на редкость талантливым и в молодые годы покинул родные места для учёбы в Чанъане, там у него сложилась компания друзей-сокурсников, особенно важными фигурами из которой являлись Хоу Ба и Лю Сю — впоследствии эти благородные мужи стали основателями Восточной Хань.

В описываемое время Ван Ман захватил власть в империи Хань, надеясь продлить свое пребывание на престоле, он повсюду искал талантливых людей. В этой ситуации трое друзей-сокурсников сделали различный выбор. Хоу Ба воспользовался случаем, выдержал экзамен по системе кэцзюй и получил чиновничью должность; Лю Сю примкнул к войскам горы Люйлинь и стал одним из лидеров борьбы за восстановление династии Хань. Янь Цзылин же зажил отшельником на реке Чжэцзян и стал известным стариком-рыболовом.

В 25-м году нашей эры Лю Сю восстановил власть династии Хань, перенес столицу в Лоян, что ознаменовало начало эпохи, имеющей историческое название Восточная Хань. Хоу Ба, который был другом Лю Сю по учёбе в Чанъане, занял должность сыту¹⁵. Лю Сю прекрасно знал о способностях и знаниях Янь Цзылина и, помня о старой дружбе, повсюду искал его, но нигде не находил и следа. Спустя несколько лет из окрестностей реки Чжэцзян правителю доложили: *«Есть один человек, в накинутом на плечи овчинном тулупе удит рыбу на болотах»* («Хоу Хань шу» / «Жизнеописание Янь Гуана»).

Разве мог обыкновенный рыбак, ни с того ни с сего, накинуть овчинный тулуп? Людям казалось это странным, и только поэтому об этом со всей серьёзностью сообщили императору.

---

¹⁵ Сыту: а) главный блюститель нравов, распорядитель по делам культа и просвещения, с древнейших времен; б) советник по делам воспитания и обучения; начальник приказа просвещения, (с дин. Чжоу); в) министр финансов (с дин. Мин)

Конечно, тому, что Янь Цзылин рыбачил в овчинном тулупе, впоследствии давались различные оценки. Ли Бо говорил: *«Дело лишь в том, что высочайший приказ Сына неба запоздал, а не в том, что благородный муж Янь любил ловить рыбу»*. Один из поэтов эпохи Сун саркастично замечал: *«Надев овчинный тулуп, не скрыл себя, [и его] пустая слава дошла до наших дней. Если бы тогда надел плащ из соломы, где бы его искали в безбрежности туманных вод?»*. Иными словами, зачем в знойный день, ни с того ни с сего, надевать овчинный тулуп на рыбалку — специально, чтобы быть замеченным? Если бы Янь Цзылин, как обычный рыбак, надел плащ из соломы, разве бы его отыскивали?

У Лу Ю тоже есть строки: *«Люди сравнили с Янь Гуаном по ошибке — предпочитаю быть безвестным рыбаком»* («Отшельник с сорочьего моста. Забросил удочку в прекрасный лунный вечер»), свидетельствующие о том, что он считал позёрством то, что Янь Гуан надел вывернутый наизнанку овчинный тулуп, а сам предпочитал быть никому не известным рыбаком.

Вероятно, в то время Янь Цзылин еще имел определённые иллюзии в отношении политики. Но произошедшие в дальнейшем события вынудили его полностью отказаться от этих мыслей.

Получив это известие, Лю Сю смутно почувствовал, что человек, о котором в нем говорится, и есть Янь Цзылин, и немедленно послал людей, чтобы пригласить того ко двору. После нескольких приглашений Янь Цзылин прибыл в Лоян. Хоу Ба же забеспокоился, что прибытие Янь Цзылина угрожает его позиции и, ссылаясь на то, что связан служебными делами, не встретил того с искренним приветствием, как подобает другу. Увидев это, Янь Цзылин сразу понял истинную природу власти и отказался от мысли о государственной службе

Однако Лю Сю был восхищен Янь Цзылином, пробеседовав с ним всю ночь, они легли спать на одной кровати. На следующий день тайши сообщил, что ночью наблюдал за светилами и обнаружил, что звезда-гостья вторглась в созвездие императора. Оказалось, Янь Цзылин спал в неподобающей позе: ночью он вытянул ногу на живот императора.

Впоследствии Янь Цзылин никогда не служил чиновником, до самой смерти жил отшельником в горах Фучуньшань и занимался рыбной ловлей. То место, где он некогда ловил рыбу, со временем стали посещать потомки, чтобы почтить его память. Фань Чжунъянь в своем эссе «Янь сянь шэн цы тан цзи» («Заметки о храме предков господина Яня») писал:

Рис. 2. Эпоха Цин. Страница из сборника художника Цзинь Гуляна и гравера Чжу Гуй («У шуан пу» / «Книга о несравненных»)

«Необъятны окутанные облаками горы, безбрежны воды Великой реки, моральные качества господина выше гор, протяжённее Янцзы».

Тогда как современники гнались за властью, Янь Цзылин смог постичь ее настоящую природу и истинную сущность человеческих устремлений и потому остался непоколебим в своем решении отказаться от службы и до конца своей жизни был рыбаком. Ян Ваньли в стихотворении «Ду янь цзы лин чжуань» («Читая жизнеописание Янь Цзылина») писал: «В былые времена Амань был послан передвинуть ханьский трон, где ж

меж людей найдётся Янь [Цзы]лин!», сокрушаясь о том, сколь мало в действительности мудрецов, которые могли бы, подобно Янь Цзылину, устоять перед соблазнами.

2

Янь Цзылин — это первый в официальной китайской истории образ «рыбака-книжника», который жизнь в уединении предпочёл карьере чиновника. Впоследствии для древних людей именно он стал олицетворять рыболовство в ряду «рыболовство, древорубство, земледелие, чтение».

Конечно, именно воплощение в литературе в конечном итоге сделало образ «рыбака-книжника» более полным, и главная заслуга в этом принадлежит роману эпохи Мин «Фэншэнь яньи» («Возвышение в ранг духов»), написанному Сюй Чжунлинем.

Сложно представить себе роман, более хорошо знакомый китайскому читателю, чем «Возвышение в ранг духов». Наряду с пользующимися

такой же известностью романами «Речные заводи», «Цветы в зеркале» и «Следы бессмертного в зелёной глуши», он составляет «четыре великих китайских романа о сверхъестественном». Историческим фоном действия романа является смена правящего Чжоу рода Цзи династией Шан, в него вписано большое количество фольклорных преданий о божествах и демонах, что оказало значительное влияние на народные верования китайцев.

Один из героев книги — прославленный великий рыбак Цзян Тайгун.

В реальности Цзян Тайгун, носивший фамилию Цзян, имя Шан (и еще одно имя — Ван) и имевший прозвище Цзя, был выдающимся специалистом в военном деле и политическим деятелем. За свои выдающиеся заслуги в ходе смены правящих домов от Чжоу, Шан Цзян Цзя были пожалованы земли на полуострове Шаньдун, так он стал первым в царстве Ци владетельным князем. Конечно, нам лучше знаком показанный в книге Цзян Цзя — отшельник с гор Куньлунь, который мог повелевать ветром и дождём и превращать брошенные на землю бобы в воинов.

В тексте романа спустившийся с гор Цзян Цзя, несмотря на свой выдающийся талант государственного деятеля, появляется в обличье рыбака, который ловит рыбу в местечке Паньси на берегу реки Вэй. Цзян Цзя рыбачил весьма специфическим образом — целый день проводил на берегу, никуда не торопясь, и при этом использовал выпрямленный крючок, чем то и дело вызывал всеобщие насмешки.

В романе есть два стихотворения, которые произносятся от лица Цзян Цзя и во всей полноте выражают мысли «рыбака-книжника».

Стихотворение первое:

*Хочу поймать того, кто придёт на прямой крючок,
Не того, кто поймаётся на изогнутый крюк.
Не для рыбки золотой разложил свою удочку,
Я ужу только ванов и хоу.*

Стихотворение второе:

*Удилище коротко, леска длинна — на страже я ручья,
Мой хитроумный замысел весь в том,
Чтоб для династии достать князей, министров,
Я разве ж целился на рыбу, что в воде?*

Рис. 3. Эпоха Цин.
Дай Цзинь («Вэй
бинь чуй дяо ту» /
«Рыбалка на реке
Вэй»)

Рыбная ловля означает спокойное ожидание, «выпрямленный крючок» символизирует независимость и честность высокопоставленного человека, «намерение выудить ванов и хоу» есть абсолютный идеал для образованного человека в древности: «Чтоб для династии достать князей, министров, я разве ж целился на рыбу, что в воде?» Разве то, чего

терпеливо ожидали образованные люди древности, скрывающиеся под личиной рыбаков, это лишь несколько золотых рыбок?

Образ рыбака, который представляет собой Цзян Цзя, являлся идеалом личности для образованных людей, примкнувших к бесчисленному войску рыбаков. Единственное, что могло вызвать сожаления в его судьбе, это то, что он повстречал чжоуского Вэнь-вана только в возрасте восьмидесяти лет, и хотя богатство и высокое положение несколько припозднились, разве это мешает быть ему символом веры образованного человека в прекрасное будущее?

Поэту времён династии Тан Цэнь Шэню принадлежит стихотворение «Юй фу» («Рыбак»), в котором есть строки: «Глубокий замысел простому человеку где ж понять, старик удит достойного, не рыбу». За словами «глубокий замысел простому человеку где ж понять» действительно стоит немалый скрытый смысл. Говоря обобщенно, всем сердцем предающийся непосредственно рыбной ловле человек, без сомнения, является обычным рыбаком; рыбак, имеющий идеалы, точно «удит не рыбу».

В рамках культурного кода фигура рыбака несет и такие черты — это фигура независимая и бунтарская.

Лю Цзунъюань в стихотворении «Цзян сюэ» («Снег над Цзяном») писал так:

*Осенние птицы уже не летят
Над тысячью гор седых,*

*На тысячах троп не видать следов –
Снег замечает их.*

*В плаще и бамбуковой шляпе рыбак,
Старый совсем человек,*

*Ведет сиротливую лодку свою...
Над Цзяном белеет снег¹⁶.*

---

¹⁶ Перевод А. Гитовича. Цитируется по изданию: Китайская классическая поэзия. Эпоха Тан. / Сост., вступит. ст., общ. ред. Н. Т. Федоренко. М., 1956. С. 312.

Стихотворение через образ рыбака очень правдоподобно описывает дух горделивого одиночества, которым наделён был сам поэт. Посреди раскинувшейся меж небом и землёй сплошной снежной пелены, не нарушаемой ни человеческим силуэтом, ни даже тенью птицы, в одинокой лодке горделиво сидит старый рыбак, ловит рыбу в реке, полной ледяного снега. За этим образом стоит фигура человека строгих моральных принципов, лелеющего мысли о Поднебесной, но не нашедшего возможности послужить ей и в одиночестве переживающего свои печаль и негодование.

После окончания мятежа Ань Лушаня танские императоры больше не доверяли министрам и, вместо этого, стали полагаться на евнухов. В середине и в конце правления династии Тан вмешательство евнухов в дела управления приняло катастрофические масштабы. Это обстоятельство нашло отражение в большом количестве поэтических произведений того времени. Так, Ду Фу писал: *«Ечэн капитулировал и снова бунтовал — достойно разве это удивленья — подлейший человек из Гуаньчжуна разрушил императорский устой»* («И си эр шоу ци и» / «Два стихотворения, в которых мыслями обращаюсь к прошлому. Стихотворение первое»). Слова *«подлейший человек из Гуаньчжуна»* относятся к старшему дворцовому евнуху Ли Фуго. Ли Фуго был современником танского Су-цзуна, будучи евнухом, он взял в свои руки командование армией и за короткое время падения власти полностью нарушил дворцовые устои. Но и это был не предел, во время правления танского Дэн-цзуна, евнухи Доу Вэньчан и Хо Сяньмин действовали ещё более прямо — взяв на себя командование армией Шэньцэ, они получили в своё распоряжение военные силы.

В первый год правления танского Шунь-цзуна под девизом Юнчжэнь (805), ученые-сановники, в попытке избавиться от закоренелых пороков, изгнать евнухов и восстановить государственный порядок, инициировали проведение реформ — речь идет об известных *«реформах Юнчжэнь»*. К сожалению, реформы соблюдались лишь на протяжении нескольких месяцев, после чего было объявлено об их поражении. Число ученых-сановников, вовлеченных в реформы, было огромным, и Лю Цзунъюань был одним из них.

В сентябре того же года Лю Цзунъюань был понижен по службе до должности начальника округа Шаочжоу, в ноябре, пока он находился в пути к месту назначения, он получил очередное понижение

Рис. 4. Портрет Лю Цзунъюаня

до должности начальника округа Юнчжоу. Он жил в Юнчжоу в течение десяти лет. Сыма Цянь писал, что «[более трехсот песен Шицзина] были написаны совершенномудрыми, дабы излить свою скорбь»¹⁷, и действительно, за десять лет, проведенных в Юнчжоу, Лю Цзунъюань значительно вырос в образе мыслей и литературном творчестве, именно здесь был написан знаменитый цикл «Юнчжоу ба цзи» («Восемь записей о Юнчжоу»).

Из более чем пятисот сорока стихотворений, которые вошли в его «Лю Хэдун цюань цзи» («Полное собрание сочинений Лю из Хэдуна»), целых триста семнадцать были написаны в Юнчжоу. Приведенное выше стихотворение «Цзян сюэ» как раз является произведением, написанным после того, как поэт был сослан в Юнчжоу.

Реформы ученых-сановников все же потерпели поражение от клики захвативших в свои руки дела управления и не гнушающихся никакими преступлениями дворцовых чиновников, и несложно представить то разочарование, которое Лю Цзунъюань испытывал в отношении деградировавшего чиновничества. Но при этом, он был полон веры в справедливость и потому, под натиском тягот и лишений, его твердость и негибкость засияли лишь ярче. Вот почему рыбак, вышедший из-под его пера, это, с одной стороны, безмятежный и вольный человек там, где лишь «плеск весла, где синь реки и гор в одно слилась»¹⁸ («Юй взн» / «Рыбак»), но в большей степени, это показанный в «Цзян сюэ» невозмутимый и независимый носитель высоких моральных принципов, не принимающий участия в творимых в Поднебесной злодеяниях.

¹⁷ Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / Пер. с кит., комментарий под ред. А. Р. Вяткина. Т. 9. М., 2010. С. 322.

¹⁸ Перевод М. Басманова. Цитируется по изданию: Китайская классическая поэзия. Эпоха Тан. / Сост., вступит. ст., общ. ред. Н. Т. Федоренко. М., 1956. С. 311.